

И

мечет ли человек, о котором я хочу рассказать, какое-либо отношение к нашему Черноземному краю? Впрямую — нет, косвенно — вне всякого сомнения. Речь идет о Федоре Ивановиче Толстом, по прозвищу Американец, который приходился четвероюродным дядей владельцу липецкого села Трубетчина графу М.П. Толстому. Однако знаменит он был не родством с хозяином села, более известного как усадьба князей Васильчиковых (хотя и это нам важно), а своим экстравагантным поведением и, главное, приятельскими отношениями с А.С. Пушкиным.

С Толстым-Американцем я знаком с тех пор, как пристрастился к поэзии великого классика. И сразу обратил внимание на эпиграмму:

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он — слава Богу —
Только что картежный вор.

Разумеется, мне захотелось узнать, кто он, кем был этот «вселенский развратник». И чем больше о нем узнавал,

тем больше изумлялся его действительно разгульной жизни, граничащей порой с безумными выходками. Но начнем, как водится, сначала.

Блестящий офицер граф Федор Иванович Толстой родился в 1782 году. Обучался в Морской школе, после чего поступил в лейб-гвардии Преображенский полк, дослужился до поручика. Как писал о нем небезызвестный Булгарин, «...он был прекрасно образован, говорил на нескольких языках, любил музыку и литературу. Много читал и охотно сближался с артистами, литераторами и любителями словесности и искусства. Умен он был, как демон, и удивительно красноречив. С ним было трудно спорить. Впрочем, он был, как говорится, добрый малый, для друга был готов на все, охотно помогал приятелям».

Любимец женщин, заядлый картежник, Толстой был смел и задирист. Проводил время в шумных попойках, скандалах, постоянно устраивал дуэли и являлся неоднократным их участником. Об авантюрных похождениях поручика знал весь столичный бомонд.

Разумеется, отцам-командирам не нравилось поведение гвардейца, и над графом сгущаются тучи. И не избежать бы ему отставки, если бы вскоре не слу-

чилось событие, о котором не судачил в Петербурге только ленивый: морской штаб снаряжал кругосветную экспедицию к берегам Камчатки на шлюпе «Надежда» под командованием капитан-лейтенанта И.Ф. Крузенштерна. И поручик подает рапорт о включении себя в число ее участников. Начальство лейб-гвардии Преображенского полка удовлетворило просьбу своего подопечного в надежде на то, что далекое и нелегкое плавание послужит к его исправлению, ибо на кораблях дуэли исключены. В 1803 году «Надежда» подняла паруса.

Крузенштерн, несомненно, был слышан о проказах поручика, но полагал: навыки, полученные им в Морской школе, будут полезны членам команды. Тем более что командир при этом ничем не рисковал — в списках участников экспедиции Ф.И. Толстой числился как один «из благовоспитанных молодых людей» русской дипломатической миссии, направляющейся в Японию во главе с камергером графом Н.П. Резановым.

Однако по истечении некоторого времени командир корабля сильно раскался в том, что взял на борт человека «без руля и без ветрил». А началось все сразу, как только «Надежда» вышла в открытый океан. Поручик начал устраивать в своей каюте пирушки, постоянно сорил между собой офицеров, упрекал мичманов за то, что они по глупости и молодости лет не так отдают команды, пытался отбивать склянки к обеду раньше означенного времени, опаздывал, а порой и вовсе не приходил на вечернюю молитву, чем вызывал неудовольствие капитан-лейтенанта и корабельного священника.

Впрочем, что там молодые мичманы, если для поручика и его непосредственный начальник камергер Резанов не был авторитетом. Граф откровенно издевался над цивилизными членами миссии, а ее главу на слуху всей команды обзывал площадными словами. В это трудно поверить, но факты, как говорят, упрямая вещь. Перед нами донесение Резанова в Петербург: «Сей разврат-

Федор Иванович Толстой

ный молодой человек производит всякий день ссоры, оскорбляет всех, беспрестанно сквернословит и ругает меня нещадно».

Между прочим, Резанов, основатель Русско-Американской торговой компании, был не какой-то престарелый чинуша, а волевой и относительно молодой человек и мог бы найти управу на непристойно ведущего себя графа. Однако Толстой не был бы Толстым, если бы менял свои привычки в угоду кому бы то ни было.

Кстати сказать, это путешествие было последним в жизни Николая Петровича Резанова. Как ни странно, его трагическая судьба известна многим нашим современникам по рок-опере советского композитора Алексея Рыбникова на слова поэта Андрея Вознесенского «Юнона» и «Авось» и одноименному спектаклю, поставленному в столичном Ленкоме, с Николаем Караченцевым в главной роли. В ней изложена история любви русского посланника и дочери коменданта Сан-Франциско Кончиты Аргуэльо. Влюбленные договорились пожениться, и Резанов, стара-

ясь сократить время, решил поехать в Петербург для улаживания неотложных дел через Сибирь. Но в дороге простудился и умер. Было ему всего 43 года. Кончита долго ждала своего суженого и, не дождавшись, ушла в монастырь.

Это случилось после того, как в 1806 году глава миссии, побывав в Японии, на кораблях «Юнона» и «Авось» отбыл в американский форт Сан-Франциско для закупки продовольствия, необходимого русским жителям Аляски. Здесь и произошло описанное выше событие.

А между тем «Надежда», независимо от того, что происходило на ее борту, под всеми парусами несла нашего героя к берегам Бразилии. По прибытии в Рио-де-Жанейро судно простояло в порту несколько дней, проводя ремонт и пополняя запасы пресной воды и продовольствия. Тут-то на шумном базаре и купил поручик ручную обезьянку, ставшую вскоре для всей команды «притчей во языцех». В интернете об обезьяне упоминается с намеком, мол, неизвестно, кем она приходилась графу: то ли игрушкой, то ли подружкой. Впрочем, в интернете можно найти все, но не все из найденного лепится к месту да гожаётся в дело. Сплетня про обезьянку-подружку — из этого ряда.

Только наш разговор не о сплетнях — об обезьянке. Толстой с ней не расставался, сделал ее орудием новых проказ и злых шуток над неугодными ему офицерами и членами миссии. Судно в это время как раз проходило тропики, и ночная духота заставляла обитателей кают держать двери открытыми. В такие часы и выходил на охоту жаждущий приключений и интриг поручик. Он выпускал свою спутницу в каюты недоброжелателей, и та рвала на столах бумаги, опрокидывала чернильницы, пугала спящих внезапным пробуждением. Кроме того, днями юркая зверушка мешала рулевым и вахтенным, поварам по камбузе устраивала переполох. Это стало раздражать Крузенштерна, и он строго запретил хозяину выпускать обезьянку из каюты.

Без обезьянки команда заскучала —

матросы привыкли к ее проказам, и общение с ней доставляло им удовольствие. Однако все знали: с поручиком долго скучать не придется. И он вскоре оказывается в центре не столько смешного, сколько скандального события.

Как мы помним, у Толстого не сложились отношения с корабельным священником. Пастырь попрекал графа безбожием, постоянно призывал к смирению. Вот и решил поручик слегка «поучить» духовную особу. Батюшка не отличался крепким телосложением, согласно чину носил длинную бороду и был большим любителем выпить. Этим и воспользовался граф. Зазвав священника к себе, он напоил его в полном смысле слова до положения риз. Когда тот вышел из каюты и, будучи не в силах продолжать двигаться дальше, повалился на палубу, и захрапел, насмешник сбегал за корабельной печатью, залил бороду батюшки сургучом и припечатал ее к палубе. Команда покатила со смеху. И только капитан-лейтенант был вне себя от ярости. Повелев осторожно отделить бороду от палубы и отнести мертвецки пьяного батюшку в каюту, срочно потребовал охальника к себе. Обычно сдержанный Крузенштерн метал на этот раз громы и молнии и поклялся высадить «шутника» на первый попавшийся обитаемый остров.

Впрочем, обещания командира избавиться таким образом от обидчика мало утешало корабельного священника: с кургузой бородой (как известно, сургуч из волос не вычесывается) он походил на голландского шкипера в рясе, чем вызывал тайные смешки членов команды.

Благородный Иван Федорович, скорее всего, по рассуждению, дескать, негоже христианину оставлять своего соотечественника в открытом океане надеясь на туземцами — клятвы своей не сдержал. Тем более что впереди стоял Петропавловск-Камчатский. Там и решил командир избавиться от неугомонного компаньона.

А обезьянка... Что ж, она ждала своего часа. Как только поручик, выходя, по неосторожности не закрыл за собой

дверь, она, оказавшись на палубе, юркнула в каюту капитана и сделала то, чему учил ее хозяин с первых дней их знакомства: залила чернилами лежащий на столе раскрытым главный корабельный документ — судовой журнал. Не будем описывать последовавший за сим скандал и его последствия — наши воображение и способности слишком слабы, чтобы представить себе открывшуюся картину.

...Расставание с «Надеждой» было коротким и суровым. Капитан зачитал поручику депешу из столицы. Согласно предписанию он должен немедленно отправиться сухопутным путем в Петербург и явиться к дежурному морского штаба. И от себя добавил: «Если не избавитесь от вредных привычек — плохо кончите, граф».

Граф, однако, проигнорировал предписание столичных властей и наставления командира «Надежды». Зная, что его ждет по возвращении в Петербург, он после трехдневного пребывания в Петропавловске-Камчатском на купеческом судне отплыл на Аляску, оттуда — в русские владения Америки. Дольше всего Толстой задержался на одном из Алеутских островов. Здесь он быстро освоился с обстановкой. Изучил язык и обычаи аборигенов, «женился» на алеутке и, похоже, стал для островитян своим человеком. Только четыре месяца спустя граф покинул своих новых знакомых и отбыл в Россию. Случилось это в 1805 году.

Прежде чем прибыть в Петербург, поручик остановился в своем московском доме. Здесь он щеголял в алеутских нарядах, по стенам комнат развесил купленное у эскимосов оружие, многочисленных гостей потчевал блюдами алеутской кухни. Тогда-то и прозвали его Американцем. Но в первопрестольной граф пробыл недолго.

По прибытии в Петербург за скандалы в экспедиции Толстой был переведен из Преображенского полка в гарнизон Нейшлотской крепости с воспреещением въезжать в столицу. Скорее всего, карьера поручика на этом бы и закончилась.

Но началась русско-шведская война 1808–1809 годов, в которой граф сражается под командованием Барклая-де-Толли. Оказавшись в своей стихии, дрался как лев, показывая при этом чудеса храбрости. Во многом благодаря смелой разведке поручика русские войска совершают свой знаменитый переход по льду Ботнического залива к берегам Швеции. Застигнутый врасплох враг сдался на милость победителя. За мужество, проявленное на полях сражений, поручик был отмечен наградами, повышен в чине.

В наступившее мирное время Толстой, думая, что героям все можно, берется за старое: ведет светский образ жизни, кутит, играет напропалую в карты, но главное его занятие — дуэли. В 1811 году граф на поединках, им спровоцированных, убивает капитана генерального штаба Брунова и офицера Лейб-егерского полка Нарышкина, за что был судим, разжалован в рядовые, лишен наград и заключен в Выборгскую крепость.

Но тут, будто специально для Толстого-Американца, Наполеон со своей 600-тысячной армией переходит границу России. Вчерашний узник вступает в ряды московского ополчения и в качестве ратника снова показывает чудеса храбрости. За отличие в боях граф удостоивается святого Георгия. При Бородине был тяжело ранен в ногу. Ему возвращают звание и награды. В чине полковника отчаянный вояка выходит в отставку и поселяется в Москве. А было ему в ту пору тридцать лет.

Но и после этого неугомонный граф не остепенился, не образумился, а вернулся к прошлому образу жизни. Женился на цыганке и превратил свои апартаменты в игорный дом. При этом в картах все так же «передергивал». В свободное от игры время буйствовал, стрелялся. В высшем свете только и говорили о приключениях Американца. Вот одно из них.

Приятель Толстого вызвал на дуэль своего недруга и попросил графа быть его секундантом. Поединок был назна-

чен на 11 часов следующего дня. Когда приятель заехал за другом, чтобы вместе отбыть к месту дуэли, то застал графа крепко спящим. Разбуженный, он недовольно спросил: в чем дело? «Да разве ты забыл, что обещал быть моим секундантом?» — робко сказал дуэлянт. «Это не нужно, — ответил Толстой, — я его убил».

Оказалось, что накануне граф, не говоря об этом приятелю, вызвал его обидчика в шесть часов утра на дуэль, расправился с ним, вернулся домой и спокойно лег спать.

А вот какую характеристику дал графу один из его друзей в беседе с молодой дамой: «Таких людей уже нет. Если бы он Вас полюбил, и Вам бы захотелось вставить в бразел звезду с неба, он бы ее достал. Клянусь Вам, что в его присутствии Вы не испугались бы появлению льва. А теперь что за люди? Тряпь!».

И чтобы не утомлять далее читателя подобными рассказами, приведу высказывание Льва Николаевича Толстого о своем двоюродном дяде: «...необыкновенный, преступный и привлекательный человек».

Разумеется, человеком такой необычной судьбы не могли не интересоваться люди высшего света. Многие искали его дружбы, и сам он дружил со многими. В том числе и с такими известными литераторами, как В.А. Жуковский, А.А. Шаховской (кстати, написавший водевиль «Урок кокеткам, или Липецкие воды»), П.А. Вяземский, А.С. Грибоедов. В хороших отношениях был Толстой с дядей Пушкина — Василием Львовичем. Его фривольную поэму «Опасный сосед» почитал за образец поэтического творчества. И, конечно же, дружил с самим Пушкиным.

Друзья часто писали о Толстом-Американце, одни, как Вяземский, возвышенно:

Под бурей рока — твердый камень!
В волненьи страсти — легкий лист.

Другие — без прикрас, как это сделал Грибоедов в своей комедии «Горе от ума»:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист,
Да, умный человек не может быть не плутом.

Обычно подобные писания на свой счет Толстой принимал спокойно, а вот к другу Грибоедову пришел с претензией: «Зачем ты обо мне написал, что я крепко на руку нечист? Подумают, что я взятки брал. Я взятку отродясь не брал». — «Но ты же играешь нечестно», — заметил Грибоедов. «Только-то? Ну так бы и написал», — ответил граф и, собственноручно поправив строку в комедии на «В картишки на руку нечист», снабдил ее примечанием: «Для верности портрета сия поправка необходима, чтобы не подумали, что ворует табакерки со стола...»

А вот стихи А.С. Пушкина из шестой главы «Евгения Онегина», рисующие яркую характеристику давнего приятеля, выведенного в романе под фамилией Зарецкий:

Зарецкий, некогда буйн,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой,
Отец семейства холостой
И даже добрый человек —
Так исправляется наш век!

Разумеется, поэтические высказывания друзей льстили самолюбию графа, но он никогда не ставил их выше верной дружбы и товарищества.

Достаточно поговорив о Толстом-Американце, перейдем к его отношению с Пушкиным.

По выходе в 1817 году из лицея Пушкин уже был известным поэтом, и через два года они встречались с Толстым как добрые приятели. Тогда-то и произошла их знаменитая ссора. Случилась она у Шаховского за карточным столом. Пушкин заметил, что его визави играет нечисто, передергивает, и высказался об этом вслух. Толстой не замедлил с ответом: «Да я и сам это знаю, но не люблю, чтобы это мне замечали».

Казалось, что тут особенного, сошлись два приятеля, по возрасту отец с

сыном, перекинулись в картишки, проиграли-выиграли, немного повздорили и спокойно, без обиды, разошлись.

Но не такой был Американец, чтобы терпеть, когда молодые, пусть и талантливые люди учат его жизни. В отместку входившему в моду поэту Толстой распускает по Петербургу слух: Пушкина за стихи против правительства высекли в секретной канцелярии министерства внутренних дел.

До поэта эти слухи дошли, когда он уже был в южной ссылке (1820 год). И закипела африканская кровь Пушкина. Обиднее всего для него было то, что сплетня исходила, как поэт писал из Кишинева Вяземскому, от человека, с которым расстался он приятелем и которого с жаром защищал всякий раз, как представлялся тому случай.

В это время опальному молодому человеку ничто не шло на ум, кроме одного: только на дуэли, ценою жизни может расплатиться записной враль за подлую клевету. И с этого момента начинает ежедневно упражняться в стрельбе из пистолета. Угнетало Пушкина и состояние ссыльного — он не мог выехать в Москву и вызвать нахала на поединок. Когда-то еще состоится дуэль, а отмщение требуется сегодня, сейчас. И появляется на свет эпиграмма, приведенная нами в начале повествования.

И между двумя неординарными личностями начинается словесная дуэль. К чести графа, он не думал стреляться с рассерженным молодым приятелем из-за нескольких обидных для него строчек и ответил Пушкину тем же — эпиграммой, написанной высоким слогом: александрийским стихом:

Сатиры нравственной язвительное жало
С пасквильной клеветой

не сходствует нимало, —

В восторге подлых чувств, ты, Чушкин,
то забыл!

Презренным чту тебя,
ничтожным только чтил.

Примером ты рази, а не стихом пороки
И вспомни, милый друг,
что у тебя есть щеки.

Последняя строка — намек на то, что за такого рода публичные оскорбления бьют по щекам.

Написанное граф отнес в журнал «Сын Отечества». Но его редактор Н.И. Греч, не желая разжигать вражду между известными людьми, решительно отказал автору в публикации.

Казалось бы, дуэлянты обменялись эпиграммами, как выстрелами, на этом все бы и закончить. Но Пушкин не унижается — пишет новые эпиграммы, граф отвечает тем же. И, конечно же, поэт не отказывается от намерений о настоящей дуэли. В 1824 году опально-го поэта переводят из южной ссылки в северную, в знакомое нам Михайловское, под надзор отца Сергея Львовича и местных властей. Но и тут мысль о мщении сидит в голове Пушкина, как заноза под ногтем: где бы он ни был и что бы ни делал, она напоминает о себе острой, непреходящей болью. Как вспоминает об этом родственник тригорских барышень, а по совместительству друг поэта Алексей Вульф, готовясь к дуэли с известным Американцем графом Толстым, Пушкин практиковался в стрельбе.

Однако конец 1825 года становится для поэта временем больших перемен. Разгром восстания декабристов, многие из которых были друзьями Пушкина, восшествие на престол Николая I... В эти дни, пробуждаясь ото сна, поэт задается вопросом: что же будет дальше?

А было то, что было. Пушкина срочно привозят в Зимний дворец. Император долго беседует с ним: изъявляет желание быть его цензором, обещает доступ к закрытым архивам и содействие в написании «Истории Петра I».

Встретиться с царем — не в карты с Толстым-Американцем сыграть. Поэт полон творческих планов, и постепенно уходит из головы мысль о мщении — появляются дела поважнее.

В Москве, где жил Толстой, враги при встрече сухо, нехотя, кланяются и не поддерживают никаких отноше-

ний. А в это время друзья — Вяземский, Нащекин, Соболевский — во всю строят планы по примирению сторон. Они убеждают и того, и другого в том, что глупо из-за ничтожной сплетни, да и не сплетни вовсе, а неудавшейся шутки, дуться друг на друга столько лет. И все чаще исподволь, делая вид, что все происходит само собой, организуют встречи поэта и еще гремевшего славой Американца в простой, непри- нужденной обстановке. И мало-помалу друзья-враги сдаются. И снова, как в старые добрые времена, их видят вместе.

Проходит три года, и в жизнь поэта, как оказалось, навсегда, входит Наталья Гончарова. Именно в это время Пушкин и Толстой становятся близкими друзьями. Федор Иванович, знавший семейство Гончаровых по своему калужскому имению, выступает в качестве свата Пушкина. Толстой ведет трудные переговоры с матерью невесты, чем во многом способствует успеху женитьбы поэта, называя его при этом «милым другом».

С тех пор друзья видятся чаще обычного. Совместные пирушки, участие в маскарадах, многочасовые обеды у Нащекина и Соболевского... И всем бросается в глаза их искренняя дружба.

Толстой прожил не так много — всего 58 лет. В последние годы стал набожным. Его часто видели в храме. Женатый на цыганке, к многочисленным членам семьи и домочадцам относился с заботой и вниманием. При игре в карты старался быть порядочным и честным.

Говорили, что тени убитых им на дуэлях одиннадцати человек на склоне лет не давали ему покоя. Вот как об этом пишет В.В. Вересаев: «Он аккуратно записывал имена убитых в свой синодик. У него было двенадцать человек детей, которые все умерли в младенчестве, кроме двух дочерей. По мере того, как умирали дети, он вычеркивал из своего синодика по одному имени убитых им людей и ставил сбоку слово «квит». Когда у него умер одиннадцатый ребенок, прелестная умная девочка, он вычеркнул последнее имя убитого и сказал: «Ну, слава Богу, хоть мой курчавый цыганеночек будет жить». Этот «цыганеночек», Прасковья, действительно осталась жива».

Скончался великий грешник во время молитвы под образами. Поэта пережил на девять лет.

Таким вот был родственник владельца Трубетчина графа М.П. Толстого, а стало быть, и близкий нам человек, Федор Иванович Толстой-Американец — эпатажный приятель Пушкина.

